

ДВ96
П595

Породнились на Амуре

Породнились на Амуре

Хабаровское
книжное
издательство
1972

1777645

Хабаровская
книжная
библиотека

Федор КУЛИКОВ

От Найхина до Берлина

Историк писал когда-то о нанайцах:

«...Гольды... понятливый восприимчивый и даровитый народ, но по натуре своей слишком мягкий, если не сказать робкий. Все они — отменные стрелки, но, как мне удалось выяснить, никогда не участвовали в войнах. Так уж сложились их характеры и обычаи, законы и взгляды, что они не могут, не должны, не имеют права воевать...»

Ошибся историк. Может быть, нанайцы действительно остались бы людьми, не имеющими «права воевать», если бы не свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция. Нанайцы — отличные воины, и они это доказали в годы Великой Отечественной войны.

Осенью 1939 года нанайцев впервые призвали в Красную Армию наравне со всеми народами Советского Союза. Это вызвало бурю восторга и ликования в нанайских селениях. В те дни я встретился с председателем колхоза «Нанайский партизан» Петром У.

— Этой осенью, — сказал У, — наши молодые колхозники-нанайцы впервые пойдут в Красную Армию. Колхоз ждет призыва, как праздника. Красная Армия получит из нашего села грамотных, культурных бойцов-патриотов, горячо любящих свою великую Родину.

Эта встреча состоялась в августе 1939 года. А 9 сентября того же года в «Комсомольской правде» была напечатана моя первая информация о призывниках-нанайцах. Вот ее текст:

«Комсомольск, 8 сентября (наш корр.). В нанайских стойбищах Комсомольского района радостно готовятся к призыву в Красную Армию. С нетерпением ждут призыва молодые нанайцы.

Комсомолец Сайгор Гerasим ошибочно был пропущен в списках призывников. Узнав об этом, он пришел из стойбища Экань в военкомат, чтобы исправить ошибку. В районном военном комиссариате мне сообщили, что 96,4 процента призывников-нанайцев — значкисты. Большинство — «ворошиловские стрелки». Имеют по 3—4 оборонных значка».

Прошло совсем немного времени после того, как нанайцы ушли служить в Красную Армию, как над нашей Родиной нависла смертельная угроза — фашистская Германия развязала против нас войну...

Как Захар Киле заставил фрицев ползать

На этом участке фронта фашистов сильно потрепали советские войска. Простым глазом с наших позиций можно было различить перевернутые автомашины, разбитые пушки, сгоревшие танки. Позиции разделяла река, но объединял их лес, хотя и изрядно изреженный войной.

Два дня продолжалось затишье. Но вот на той стороне началось оживление, появились люди. Наши разведчики доложили: к немцам пришло новое пополнение. Только не ясно было: с другого участка перебросили солдат или прибыло совсем свежее пополнение. Больно уж беспечно, если не сказать нахально, вели себя фашисты-новички: свободно расхаживали по берегу, снимали гимнастерки и мылись, черпая воду пригоршнями, другие котелками, и обливались. Все это смотрелось, как в немом кино.

Такое нахальное поведение фрицев стало злить наших солдат.

— Вот сволочи, — выругался старший сержант Захар Киле, — как бы нам их к земле прижать...

— Попробуй, — разрешил командир.

Ранним утром, еще до восхода солнца, Захар залег в засаде у группы березок, на холмике (там и окопчик у него был), откуда хорошо просматривались немецкие позиции. И когда забрезжил рассвет и березовые стволы начали постепенно розоветь, Захар заметил, как из своей норы выполз немец, встал и потянулся. Он был без рубашки, видно, приготовился умываться в реке. Так и есть. Вместе с другим, вылезшим из щели фрицем, не спеша пошли к берегу.

Вскинув снайперскую винтовку, Захар спокойно выстрелил. Один из фашистов упал головой вперед. Другой не успел оглянуться, как и его настигла посланная Захаром смерть. Это хорошо, что этих двух снайпер сразу убрал, другие так же смело, как и вчера, пойдут на берег.

Так оно и вышло. Опять двое выползли из нор и направились к реке. Их, как и первых двух, подпустив поближе к реке, уложил Захар. А вот еще двое пошли в противоположную от реки сторону. Присмотревшись, Захар заметил замаскированную кухню, а возле нее толпу.

Понуднее устроившись в окопчике, Захар стал наблюдать. Вот еще один долговязый немец подался к реке. Захар выстрелил, но, видать, ранил долговязого, так как он, согнувшись, повернул назад и побежал к кухне. У кухни началась суматоха. Обнаружив опасность, гитлеровцы стали бегать, пригнувшись. Киле взял на мушку очередного фашиста и нажал на спуск. Фриц упал.

— С добрым утром! — крикнул ему Захар.

Ага, уже к земле припали. Вон у того, что ползет первым, на спине огромный термос. Киле нажимает на спуск, немец замирает на месте.

— Приятного аппетита, фриц! Пусть подождут тебя с термосом в блиндаже.

Немцы ползали, убирая трупы убитых...

Довольным возвратился Захар Киле в свой блиндаж. За одно утро он отправил на тот свет пятерых фашистов (раненые не учитываются). Счет мести у Захара Киле растет. Там уже значится цифра 112.

Вечером того же дня в письме своей учительнице в Найхли А. Н. Савельевой Захар сообщал:

«Каждый день истребляю фашистов, мы бьем их из

снайперских винтовок, теперь они не ходят, а только ползают. Анна Николаевна, я получил правительственную награду — орден Красной Звезды и снайперский значок».

Когда началась война, Захар Киле был еще мальчишкой. Ему очень хотелось на фронт, а военком ему отказывал. Но Захар и слушать не хотел о своей молодости: стрелять он умеет не хуже Максима Пассара, в соревнованиях на лыжах, правда, ему однажды проиграл. Но ведь с тех пор прошло немало времени, и на лыжах он летает как ветер.

Захар обратился в Нанайский райком комсомола с жалобой на военкома. Там его поняли и пообещали хлопотать.

Дни ожидания — самые долгие. Вернувшись в Найхин, Захар продолжал тренироваться, каждый день справлялся в сельсовете, не пришла ли повестка. И вот повестка в его руках. Закинув за спину вещевую сумку, а за плечи — противогаз, Захар встал на лыжи и примчался в районный центр Троицкое. Возле военкомата Захар увидел оживленную группу лыжников. Почти все парни были ему знакомы: сколько раз встречался с ними либо в тайге на охоте, либо на рыбалке в амурских протоках...

Вскоре группа лыжников-добровольцев из нанайской молодежи съехалась на сборный пункт для отправки на фронт...

...К 25-летию ВЛКСМ Захар Киле истребил 124 фашиста.

16 октября 1944 года в «Тихоокеанской звезде» была опубликована следующая заметка:

«В родное село — Найхин — возвратился знатный снайпер Захар Киле, лично уничтоживший на фронтах Отечественной войны 176 немецких солдат и офицеров.

У Захара Киле много фронтовых учеников и воспитанников. Вместе с ним они истребили около двух тысяч фрицев.

Тепло встретили прославленного воина жители села, колхозники и руководители колхоза «Новый путь». Здесь, в Нанайском районе, Захар Киле повидался со своим старым другом Героем Советского Союза Александром Пассаром, который гостит сейчас у своих земляков».

Александр Пассар уроженец села Курун Нанайского района, знатный разведчик фронта. Он — двоюродный брат прославленного снайпера Максима Пассара. В одну из разведок Александр притащил на себе перепуганного немецкого пулеметчика. За этот подвиг Александру была вручена медаль «За отвагу». А потом и пошло. Ни разу Александр Падалеич не возвращался из разведки без «языка» или трофея. Он захватил и привел в свою часть 26 фашистов, в том числе трех офицеров. Обучил своим приемам 15 разведчиков. Александр лично истребил свыше ста немецких захватчиков. Грудь разведчика украшали два ордена Красной Звезды, орден Отечественной войны второй степени, орден Ленина и Золотая Звезда Героя Советского Союза...

И вот они, Захар Киле и Александр Пассар, встретились в Найхине. Им было о чем рассказать своим землякам и друг другу.

Заветный узелок

От председателя колхоза «Сикау Покто» Никифора Дзяпи я узнал, что в Кондоне живет старый нанайец Игнат Самар, который проводил на фронт троих своих

сыновей. Все трое, как и подобает нанайцам, были хорошие охотники-рыбаки. Но самым грамотным и развитым считался Арсентий. До ухода в армию он работал лесником. В день отъезда Арсентия из Кондона его сыну Славке исполнилось всего десять дней от роду.

— Пусть растет сынок, — сказал Арсентий отцу, — когда Славка сидеть начнет, я уже домой вернусь.

— И то ладно, — согласился Игнат, раскуривая трубку.

Долго от Арсентия не было вестей. А когда пришло первое письмо, Игнат целый час вертел бумажный треугольник в руках. Сам он читать не умел. Позвал соседского мальчишку. Потом пришло второе письмо, третье. Игнат складывал их в одну стопку и завязывал в узелок из сухой, добротной выделанной рыбьей кожи. Этот узелок Игнат хранил, как самое заветное. Появлялся узелок в руках старого Игната всякий раз, когда к нему в дом заходили гости, свои, кондонские, или приезжие. Поговорив о разных новостях, об охоте или рыбалке, гости непременно вспоминали о тех, кто в те дни бился под Москвой с лютым врагом — немецкими фашистами. Тогда-то Игнат и доставал заветный узелок и, развязывая его, говорил:

— Тут все написано, как война идет...

И гости присаживались поближе к столу. Самый грамотный из них брал из рук Игната узелок, вытаскивал уже изрядно помятые листочки и начинал читать. Хотя и помнил Игнат все письма наизусть, но слушал их будто в первый раз. Игнату казалось, что он слышит не голос гостя, а голос самого Арсентия, который доносится из Кондона из-под самой Москвы.

— Только читай с первого, — советовал Игнат.

И гость читал так, как советовал хозяин. Кто-то из тех, кто читал письма раньше, пронумеровал их.

Письмо первое.

«Здравствуйте, родители, братья, дети. Я жив и здоров. И от вас далеко. Около самой Москвы. Война идет здорово. Слышно, как гром гремит. День и ночь гремит, слышно. И мы сегодня-завтра ждем, что в бой пойдем. Ребята наши все здоровы. Целую детей — Славу и Аллочку.

Арсентий».

Письмо второе.

«Отец и дети! Мы пошли в бой. Немцы отступают. Сражение идет другой раз и день и ночь. Морозы сильные, а костры разводить нельзя. Трудно, но мы все вперед идем. Три раза в штыковую атаку ходили, много побили немцев, и я заколол троих. Пока жив и здоров. О нас не думайте. Заботиться надо, чтобы детей вырастить хорошо. Мы будем на войне до полной нашей победы. Вчера немцев еще на тридцать километров отогнали. Немцы бегут и бегут, жгут деревни, убивают крестьян.

Арсентий».

Письмо третье.

«...Вчера в бою товарищ показал мне место, где немцев много. Мы подползли и стали стрелять. Я семь гитлеровских солдат убил, а офицера штыком. Еще врага-пулеметчика убил. Морозы тут сильные. Кормят нас сытно, но я по рыбе скучаю. Пусть амурские рыбаки побольше рыбы ловят и сюда присылают. Напиши про сына Славу, как он — начал ли сидеть и как Аллочка, выросла ли? Жив буду, время найду, еще напишу. От вас жду письма.

Арсентий».

...Письма прочитаны все до одного. Игнат бережно складывает их в кучу, долго смотрит на конверты, потом аккуратно прячет в узелок и завязывает. Всякий раз, когда он это делает, волнуется, торопливо раскуривает никогда не выпускаемую изо рта трубку.

— А я чебаков засушил, — радостно сообщает гостям Игнат, кладя узелок на постоянное место, — отослал Арсентию на фронт. Наши амурские и горюньские ребята всю жизнь рыбу ели, привыкли...

— Да-а, — соглашаются гости, — рыбы, однако, надо больше ловить.

Но Игнат уже о другом разговор заводит. Его мысли опять там, где его сыновья, на фронте. Остальные двое ушли воевать позже Арсентия.

— Был бы молодой, — в раздумье говорит Игнат, — сам бы пошел фашистов стрелять. Хоть бы штук пять застрелил, и ладно...

Гости соглашаются с Игнатом: были бы помоложе, сами бы пошли немцев стрелять...

Потом до Кондона долетел слух из-под городка Истры, о котором Игнат и его земляки ничего не знали. И, может, не узнали бы так скоро, не отличись в боях под Истрой Арсентий Самар. Об этом в письмах Арсентия, хранимых старым Игнатом в заветном узелке, ничего не сказано. Зато передавалось по радио, да и в газетах, говорят, было напечатано. Сам Игнат не читал, а люди рассказывают так:

— Наши войска приготовились вышибить фашистов из подмосковного города Истра. Был назначен час атаки. Части подтянуты к реке Истре. Но то ли немцы пронюхали об этой подготовке советских войск, то ли по заранее намеченному ими плану, но они взорвали истринское водохранилище. Вода хлынула по льду и под лед, ломая его. Из союзника солдат замерзшая река, в

какой-то миг ожив, превратилась в их врага. Но коварство немцев не остановило наших солдат. В назначенный час они бросились в ледяную воду и вплавь форсировали реку.

Бросился в воду и Арсентий Самар. Возле него оказалось быстро плывшее бревно. Арсентий обрадовался, ухватился за бревно, оседлал его и, как в оморочке, поплыл по реке, направляя бревно к противоположному берегу.

По примеру Арсентия многие солдаты использовали бревна и другие подручные средства и с меньшим риском утонуть форсировали реку. Арсентий одним из первых отцепился от бревна и выбрался на берег. С криками «ура», страшные как черти, ринулись мокрые солдаты в атаку на группу немцев. Арсентий вырвался вперед и сильным ударом всадил штык в немца, укутанного поверх зеленой шинели в какое-то тряпье.

Бой был коротким, но ожесточенным. Арсентий получил три ранения, но продолжал в рукопашном бою преследовать фашистов. Шесть фашистов истребил тогда Самар.

В тот же день о подвиге Арсентия узнала вся девятая гвардейская дивизия...

Об этом героическом поступке Арсентия стоило бы написать и положить листочек в заветный узелок Игната.

Интернационал

С названием «Интернационал» самым неожиданным образом нанаяц Киле встретился на фронте, под Москвой. Когда наши войска готовились к наступательным операциям, надо было сделать глубокую разведку в тыл врага, притащить «языка». Для этой цели и создали но-

вую группу разведчиков. В эту группу вошли четверо отличившихся в прежних боях солдат: татарин Гайзулин, украинец Макаренко, грузин Напаридзе и нанаец Киле.

Когда солдаты выстроились перед командиром, молодец к молодцу, он, улыбаясь, сказал:

— В вашей группе полный интернационал. Надеюсь, не подкачаете.

— Есть, не подкачать, — дружно ответили разведчики.

— Командиром группы назначаю Давида Напаридзе, — сказал офицер и поставил перед разведчиками задачу...

Шли уже в сумерках лесом по узкой тропе, которая часто терялась. Поэтому Напаридзе выставил ведущим нанайца Киле, хорошо ориентирующегося в лесу. Пошли более уверенно. Но вскоре Киле остановился, прислушиваясь к чему-то.

— Ты чего? — шепотом спросил Напаридзе.

— Идут, — так же шепотом ответил Киле.

Все четверо насторожились, но ничего подозрительного трое из четверых не почувствовали.

— Пошли! — скомандовал Напаридзе, но Киле не двинулся с места. Тогда командир повторил приказание. Киле молча лег поперек тропинки, предварительно стукнув Напаридзе по коленке.

— Я в лесу, как ты во дворе своего дома. Их много, — зашептал Киле.

Прислушались еще. Напаридзе, а потом и другие разведчики уловили какие-то движения справа от места их расположения. Стали присматриваться, прислушиваться. Да, обостренный слух Киле уловил то, чего другие не смогли уловить.

Напаридзе распорядился занять круговую оборону.

— Зачем так, командир, — возразил Киле, — надо в одну сторону глядеть, в одну сторону стрелять, подпускать близко, пока видно...

— Ладно, — согласился Напаридзе, — без моей команды не стрелять.

Прошло минут десять, пока за деревьями показались фигуры фашистов, пробиравшихся к нашим позициям, наверное, тоже с целью разведки. Их было человек пятнадцать-шестнадцать против четверых наших. По поведению немцев Напаридзе понял, что они ничего не подозревают и идут смело, прямо на засаду. И когда немцы были метрах в пятидесяти, Напаридзе шепнул товарищам:

— В офицера не стрелять!

Раздалась четыре выстрела, четверо немцев упали. Остальные залегли, озираясь по сторонам. Они не поняли, откуда пришла смерть их четверке. И это оказалось на руку нашим разведчикам. И как только приподнималась голова немца, Киле первым брал ее на мушку. Расстрел немцев длился не более десяти минут. И когда их осталось двое — офицер и солдат, Напаридзе приказал Киле и Гайзулину незаметно пробраться в тыл немцев.

— А мы, маскируясь, будем ползти прямо на немцев. Возьмем живьем.

Когда немцы были связаны и в рот им забиты клипы, появилась, видимо привлеченная выстрелами, другая группа фашистов. Их было пятеро.

— Вы тащите этих, — сказал командиру Киле, — а я буду отстреливаться. Я быстро ползаю и бегая. Буду так стрелять, будто я тут не один.

Все наши разведчики вернулись в часть. От «языков» были получены ценные сведения. Всем четверым командир объявил благодарность, представил к награде.

Об этом случае рассказали мне члены делегации дальневосточников, ездившие на фронт под Москву с подарками и письмами.

— Откуда был нанаец Киле? — спросил я у члена делегации Анны Павловны Горшковой.

— Самого Киле в части в тот день не оказалось, — ответила Анна Павловна, — он был в разведке, и мы не узнали, из какого он стойбища.

— Однако, наш торгонский, — сказал присутствовавший при нашем разговоре Киле Лук, электрик с Комсомольской-на-Амуре теплоцентрали, — а то и найхинский, однако.

Снайперский счет Пассаров

Имя Максима Пассара в годы Великой Отечественной войны было широко известно на всех фронтах. Эхо его снайперских выстрелов раскатывалось по всей стране. Имя Максима наводило ужас на фашистов. Они сами складывали о нем легенды, будто бы Максим мгновенно перелетал с одного фронта на другой, отыскивал в засадах самых прославленных немецких снайперов и уничтожал их. Другая легенда повествовала о том, что на каждом участке фронта есть свой снайпер Пассар, и не менее страшный для врага, чем Максим.

Немцам была хорошо известна фронтовая частушка:

*Выстрел без промаха —
Пассаровский выстрел.
Бей по-пассаровски
В сердце фашиста.*

Сколько написано о Максиме Пассаре очерков, стихов, сложено песен! Я не берусь слагать о нем новую быль или легенду. Я взял на себя более скромную роль — представить читателю документы военных лет, которые и теперь, через четверть века, звучат легендой.

Первое слово предоставляю самому Пассару. Оно из фронтовой газеты «Сталинский удар»:

«С раннего детства я стал с отцом на охоту ходить. Выслеживал хищного зверя, убивал его. Учил меня стрелять метко, без промаха. Стрелять так, чтобы белке в глаз попасть.

Учеба отца на войне пригодилась. Здесь мне пришлось охотиться на фрицев. Это еще более увлекательно, ибо ко всем чувствам охотника у меня еще злость и ненависть к гитлеровским шакалам.

Фашист — тоже хищный зверь. Но он еще хитрее и коварнее. На хитрость врага я отвечаю сноровкой, находчивостью, смекалкой лесного охотника.

Когда я вернулся со снайперских курсов в свое подразделение, ребята рассказали мне, что на участке подразделения, где-то на дереве сидит немецкая «кукушка» и не дает покоя. Решил я тогда встретиться с немецким снайпером.

Рано утром забрался на дерево. Впереди поляна, а за ней опушка густого леса. Там враг. Вскоре прозвучал выстрел. Немецкий снайпер послал в нашу сторону пулю. Но где немец сидит? На каком дереве? Веду наблюдение. Глаз у меня опытный — бывало, крохотную белку враз на верхушке сосны замечал. Неужели фрица не замечу? Вдруг вижу — ветки зашевелились. Смотрю в бинокль — черное пятно на дереве.

— Ах, вот ты где, дьявол!

Положил винтовку на сучок и выстрелил. Ломая сучья, фриц полетел вниз и шлепнулся на землю. Радостно

сти моей не было границ. Первого немца, первым выстрелом снял.

Так открыл я свой боевой счет.

Пассар Максим».

Заявка о себе Максимом была сделана. И немцы обратили на выстрел Пассара внимание, хотя и не слышали еще его имени. Не первую немецкую «кукушку» сняли советские снайперы. Но эта «кукушка», которую снял Пассар, была у них особой, неуязвимой. Ас снайперской стрельбы тоже вел свой счет убитых советских солдат. О нем, как о герое райха, трубила геббельсовская пропаганда, на него равняли других снайперов. И вдруг аса подстрелили, удивительно буднично, как птицу. Не сразу сообщили немцы об этой своей потере. Листовка об этом появилась лишь тогда, когда немцы узнали, что «снял» их аса какой-то Пассар, наналец. Такого народа, такой национальной группы, как нанайцы, немцы не знали. Для них это было очередным открытием «загадочности» советских воинов. Какой-то наналец с Амура, представитель совсем никому не известного роду-племени и вдруг сразил чистокровного фрица.

За Максимом началась охота немецких асов снайперской стрельбы. Но не так-то просто было выследить и взять на мушку опытного лесного охотника, прирожденного стрелка, по наследству перенявшего зоркость и меткость отца, деда и прадеда.

Максим оставался живым и невредимым, а фашистских снайперов на том участке фронта, где стрелял Максим, становилось меньше и меньше.

Слава Пассара росла, увеличивался счет истребленных им фашистов.

Слово об этом предоставляю полковому комиссару Л. Соколову:

«Хабаровск,

секретарю крайкома ВКП(б)

тов. Г. А. Боркову

Воспитанник Хабаровского края, преданный сын советского народа наналец Максим Пассар, защищая честь и свободу нашего народа у ворот Сталинграда, проявил мужество, отвагу и высокое мастерство. Он стал героем в наших частях, знатным воином, на счету которого имеется уже 127 истребленных гитлеровцев.

Вначале Пассар был минометчиком. Но, смелый и опытный охотник, он мечтал стать снайпером — и вскоре его заветная мечта осуществилась. В жизни Пассара наступили напряженные дни, когда он, вооруженный снайперской винтовкой, бил насмерть немецкое зверье. Ни один из фашистских хищников, попавших на мушку его винтовки, живым не уходил — всех сражала меткая пуля Максима.

Пассар знал, что только мертвый немец не может грабить, насиловать и убивать. Уничтожив своей меткой стрельбой 127 фашистов, Максим спас многих советских граждан от насилий, грабежа и убийств.

Максим Пассар не только умело истребляет фашистов, но и учит многих бойцов искусному и почетному делу снайпера. Имя Пассара известно многим бойцам, страстно желающим уничтожить немцев так же, как их уничтожает Максим.

Героические подвиги Пассара вполне заслуживают того, чтобы о них знали не только бойцы Красной Армии, но и его знакомые, земляки, трудящиеся нашего края. Пусть боевые дела Максима Александровича Пассара и его беззаветная любовь к Родине, его ненависть к врагу, его бесстрашие и отвага в боях станут достоянием всех трудящихся Хабаровского края и вдохновляют

их в борьбе по обеспечению Красной Армии всем необходимым для победы над фашистскими ордами».

Телеграмма полкового комиссара была напечатана в газете «Тихоокеанская звезда» 15 ноября 1942 года, на третьей странице, которая открывалась крупным выразительным портретом Максима: на скалистом берегу Волги твердо сидит снайпер с Амура сержант Максим Пассар. Из-под стальной каски зоркий взгляд далеко видящего человека. На коленях снайперская винтовка. Через плечо лента с патронами. Выпукло, скульптурно, будто на памятнике, изобразил Пассара военный корреспондент Е. Подшивалов.

Прочитав телеграмму полкового комиссара Л. Соколова, хабаровский поэт Анатолий Гай в тот же вечер написал стихи, посвященные Максиму. Они были поставлены в номер выходящей на завтра газеты.

*На защиту Сталинграда
Встали грозные полки,
Под свинцовым ходят градом
Там и наши земляки.
Каждый раз в жестоких схватках
Познает кровавый враг
Их таежную хватку
И амурский наш размах.
За багровый дым пожаров
Немцы прячутся. Но время!
От разящих пуль Пассара
Не спасенье, не уйденъ...*

Много добрых вестей о славных делах Максима приходило с фронта. Не только нанайцы, все трудящиеся Дальнего Востока следили за подвигами Пассара, радовались за него, стремились подражать ему «снайперской работой» в тылу.

На Сталинградском фронте с Пассаром близко познакомился поэт Евгений Долматовский. Вместе со снай-

пером он ходил в засады, наблюдал за горячей работой Максима. Расспрашивал его об Амуре, о родственниках. А потом выяснилось, что поэт встречался с Максимом на его родном Амуре. Эта неожиданная новость еще больше сблизила воина и поэта. Вдохновленный подвигом воина, Долматовский написал о нем великолепную поэму, которой зачитывались фронтовики. И я не удержусь от того, чтобы не познакомить нынешних читателей хотя бы с маленьким отрывком из этой поэмы:

*...И нанайец мне ответил:
Я убил их двести двадцать,
И, куда жив, я буду
Истреблять их беспощадно.
Растегнул шинель нанайец,
И на пилнике зеленом
Я увидел орден Славы,
Красное увидел Знамя...
...Рано утром мы с Пассаром
Попозли вперед. На склоне
Узкий выдолблен окопчик
Средь засохшего бурьяна.
Здесь лежали мы, наблюдая
За равниной. Перед нами
Грустная земля застыла,
Белым саваном укрыта...
Из далекого оврага
Вырывался краткий выстрел.
Выл снаряд. И беспрестанно
Щелкали в бессильной злобе
Рядом пули разрывные.
Мы лежали, говорили
Про таежные закаты,
Про амурские уловы
И про лодку-оморочку.
Я сказал Максиму: знаешь,
По легендам и преданьям
Бог войны и бог охоты
Был один у наших предков.
— Нет, война, — Максим ответил, —*

На охоту не похожа;
Зверя бил я равнодушно,
То был честный поединок,
А теперь с врагом бесчестным,
С волчьей стаей я сражаюсь,
Новое узнал значение
Слова «зверь». Смотри,

товарищ,
Вон спускается с пригорка
Немец. Он меня не видит,
Но ему давно уж пулю
Приготовили уральцы,
И в стволе моей винтовки
Тихо дремлет гибель зверя...
Левый глаз нанаяц сузил,
Так, что показалось, будто
Он заснул. Но грянул выстрел.
И опять открылись веки.
И сказал Максим сурово:
— Это двести двадцать первый
Кончил жизнь благополучно.
Так мы целый день сидели
Спрятаны в сухом бурьяне,
Соображалась водкой, шуткой,
Скорой дружбою военной.
Десять немцев проходили
По открытому пригорку.
Десять трупов на морозе,
Руки разметаю, застыли.
— Хорошо, — сказал нанаяц, —
День сегодняшний, однако,
У меня пропал недаром,
А теперь пойдем в землянку,
Должен я письмо отправить
Девушке своей любимой,
Что живет у нас в селенье,
Обучая в новой школе
Маленьких детей расколых.
Я люблю ее так сильно,
Что мне кажется порою —
Эта сила заряжает
Меткую мою винтовку.

У коньяки, сотворенной
Из снарядного стакана,
Медленно писал нанаяц
Письмецо своей любимой...

Как и многие добрые стихи, эти не требуют комментарий. Из вдохновенных строк поэта вырисовывается живой образ советского солдата.

Итак, продолжим документальную повесть о Максиме. Слово политуправлению Сталинградского фронта:

«...В январе 1943 года Максим Пассар уже командовал снайперским отделением, которое сам обучил. 16 января 1943 года Максим Пассар убил 230-го гитлеровца.

Неоднократно раненный в боях, после выздоровления он снова возвращался в свою часть и с еще большим ожесточением убивал врага. Он — участник наступательных боев в излучине Дона и героических битв в районе Сталинграда. Это — герой сталинградских боев.

В январе 1943 года, в период генеральных боев по уничтожению окруженной у Сталинграда группировки немецких войск, знатный воин нашего фронта, старший сержант Максим Александрович Пассар погиб геройской смертью.

За доблесть и мужество Пассар был награжден правительством орденом Красного Знамени. Партийная организация части приняла его в свои ряды...»

Это трагическое сообщение стало известно в каждом нанайском селе. Оно вызвало гнев и усилило чувство мести к немецким захватчикам, патриотический порыв не только у Пассаров, но и у всех нанайцев. Максим ушел на фронт мстить за своего старшего брата Павла, погибшего на фронте. Павел тоже был снайпером и в первые же дни войны истребил десятки гитлеровцев. Теперь, после гибели Максима, на фронт ушел третий брат — Иннокентий Пассар. Иннокентий попросил на-

править его в ту часть, где служил Максим, и вручить ему снайперскую винтовку брата. Желание его было удовлетворено. А через несколько дней в Хабаровск пришла телеграмма. Вот ее содержание:

«Сейчас на фронт прибыл третий брат Пассаров — комсомолец Иннокентий Александрович Пассар. Он учится на курсах снайперов и вскоре вступит в бой с гитлеровцами. Иннокентий дал клятву быть таким, как его брат Максим.

Пусть доблестный патриотический пример братьев-нанайцев Пассар послужит образцом служения Родине для трудящихся края.

Политуправление фронта».

...Снайперский счет Пассаров на фронте увеличивался. А как это происходило, об этом пусть расскажут сами командиры и курсанты, фронтовые друзья Пассаров.

«Дорогие наши друзья! — писали они в село Найхин. — Прежде всего, хочется рассказать вам о фронтовой жизни вашего земляка Иннокентия Пассара, который заменил павшего в бою с фашистскими захватчиками славного сына нанайского народа Максима Александровича Пассара.

Прибыв на фронт, Иннокентий чуть ли не в первый же день принял участие в атаке. Он шел на врага с яростью, переполнявшей его сердце, с одним неукротимым желанием — отомстить за знаменитого нанайского стрелка. Он был в бою смел, как Максим Пассар, как и тот, он метко разил фашистских шакалов. Убив собственноручно более десяти немцев, Иннокентий этим самым открыл свой счет мести за жизнь Максима Пассара.

После боевого крещения Иннокентий, по приказу командования, пришел в наше училище. Скоро он станет командиром, поведет в бой свое подразделение.

С гордостью сообщаем вам, что Иннокентий Пассар в училище, как и на линии огня, показывает образцы боевой учебы. В изучении оружия, тактики он проявляет исключительную настойчивость и упорство. На стрельбах, которые проходили у нас несколько дней назад, он отлично выполнил задание. Ему объявили благодарность. В ответ Иннокентий сказал коротко:

— Хочу научиться стрелять, как Максим Пассар...

Приятно нам, братья-нанайцы, что посланцы ваши с такой отвагой дерутся в боях, с таким упорством овладевают техникой войны.

Недавно к нам на фронт приехал поэт Евгений Долматовский. Он хорошо знал Максима, в свое время встречался с ним на Амуре, бывал с ним вместе в жаркие дни боев за Сталинград. Как и все мы, он с болью перенес известие о гибели нашего боевого друга.

Подружился поэт и с Иннокентием. Долго они беседовали о тайге, о многоводной дальневосточной реке Амуре, об охоте. В знак этой дружбы, скрепленной кровью, поэт-фронтовик написал чудесную поэму о храбрых сынах нанайского народа.

...Родные друзья наши! Мы даем вам клятву — так овладеть военной техникой, так биться против проклятого, гнусного врага, чтобы в предстоящих решающих боях истребить его раз и навсегда.

Подвиг героя нанайского народа Максима Пассара — живой и яркий пример того, как надо сражаться и уничтожать немецкую сволочь.

Нам хочется знать, как вы готовитесь к решающим схваткам с врагом, как трудитесь на своих постах, как помогаете фронту.

Помните, товарищи, у нас одна-единственная цель — уничтожить фашистских кровопийцев, отстоять свою свободу, свою Родину.

Не пожалеем же для этой великой цели ни сил, ни крови, ни жизней своих.

Помните, в единой дружной борьбе и работе воинов фронта и тружеников тыла — залог победы. Будем же усиливать нашу борьбу до полного разгрома врага!

*По поручению командиров и курсантов училища
Полковник Смирнов».*

Радостная встреча

В Кремлевском театре мы, дальневосточники, смотрели спектакль «Барабанщица». Зрителей взволновала судьба русской разведчицы, которая действовала на оккупированной немцами территории. Советские люди, не знавшие о ее подлинной роли, называли девушку презрительно — овчаркой.

На спектакле присутствовали иностранцы, в том числе высшие военные и дипломатические чины.

— На вас смотрит какой-то иностранный полковник, — шепнул, наклоняясь ко мне, мой товарищ. — Вон тот, с пятого ряда...

— А может, он смотрит на вас, — отшутился я, — а может, на кого-нибудь еще в нашем или в соседнем ряду.

Присмотревшись, я и в самом деле заметил, что в нашу сторону настойчиво поглядывает какой-то иностранец в чине полковника. По крайней мере у советских полковников такая форма, как на этом.

В антракт мы с товарищем пошли в буфет, но не успели покинуть зал, увидели, как нам навстречу спешит тот самый «иностранец» полковник.

— Бачио гафу, — радостно произнес он знакомое мне приветствие.

— Хангени, — удивился я, признав в полковнике своего давнего друга с берегов Амура. — Бачио гафу, здравствуй, дорогой.

Мы крепко обнялись и расцеловались на глазах у изумленной нашей встречей театральной публики.

К нам подошла миловидная модно одетая женщина. — Знакомьтесь, — сказал полковник, — моя Маша...

Антракт кончился быстрее, чем нам хотелось бы, но мы условились встретиться у выхода по окончании спектакля. Я принял приглашение полковника Хангени побывать у него в тот же вечер.

И вот мы на московской квартире Хангени. У него славная семья. Жена Маша, русская фронтовая подруга, прошедшая с мужем всю войну. У них двое сыновей и дочь. Все красивые метисы: черноволосые, черноглазые, с чуть раскосыми глазами, а кожа лица белая с едва заметной смуглиной, будто загорелая.

Пока хозяева накрывали на стол, я рассматривал их семейные альбомы. Перекладывая фотографии, можно проследить весь путь молодого учителя-нанайца из стойбища Нижние Халбы, с которым я познакомился тридцать лет назад, от рядового солдата до полковника. На войну он ушел в июле 1941 года. В составе частей Советской Армии Хангени прошел трудный путь от горьких поражений до радостных побед. Вместе с женой, военной связисткой, паренек из нанайского стойбища побывал в Польше, Германии, Чехословакии, Венгрии, Австрии... Что ни фотография в семейном альбоме Хангени, то рассказ об этапах большого военного пути. Вот Хангени танкист, вот сам Буденный вручает нанайцу офицеру очередную правительственную награду, а вот Хангени на учениях уже в мирные дни.

У Хангени больше десятка правительственных наград — боевые ордена и медали. В альбоме несколько

пожелтевших вырезок из фронтовых газет, в которых описывались боевые дела офицера Хангени. Читаю большой очерк гвардии подполковника Петра Резникова, в котором описывается очень важная операция танковой группы под командованием Хангени. Бой описывается со знанием дела, в деталях и подробностях. И нет нужды пересказывать, как все было: были и жертвы, и сгоревшие наши танки, и сам Хангени был ранен и контужен в этом бою, но поля не оставил, пока не выполнил поставленную перед его танковой группой задачу — взять перекресток дорог в районе Чемировцы — Гусятин, разминировать мост, выявить силы противника, уничтожить его, держать его до подхода главных сил... Итог этой операции: уничтожено 300 солдат и офицеров, 30 автомашин, несколько танков, два бронетранспортера. Разминирован не только мост, но и перекресток шоссе и дорог...

За эту операцию была награждена большая группа солдат и офицеров, а Хангени получил орден Отечественной войны первой степени.

— Ну, а как твои братья, как друзья довоенных лет? — спрашиваю я Валентина Никитича, когда он садится за стол и угощает меня талой из осетра, любимым нанайским блюдом. Мне интересно, кем же стали нанайские ребята, которые тридцать лет назад впервые обрели право служить в армии, отцы, деды и прадеды которых никогда не воевали и были освобождены от отбывания воинской повинности и в советское время, о которых историк писал, утверждая, что гольды-нанайцы — народ «...слишком мягкий, если не сказать робкий», что они «...не могут, не должны, не имеют права воевать...»

— Зачем об этом спрашивать? — улыбается Хангени, — вы ведь сами знаете, как нанайцы воевали. В каких бы частях они ни были, получалось у них вовсе не-

плохо: и в авиации, и на флоте, и в танковых частях. А стреляли по-снайперски, не жалея шкур...

— Братья мои, — смеется Валентин Никитич, — тоже вышли из Халб на международную арену. — Вадим Хангени — моряк, старшина первой статьи, коммунист. На военном корабле в годы войны находился в Японии, Маньчжурии, Китае. Все четыре брата в Советской Армии. А теперь вот сыновей в армию провожаю...

Так представители маленького нанайского народа нашли свое место в большой многонациональной Советской Армии. Когда над Родиной нависла угроза, они проявили не мягкость, а твердость характера, не робость, а мужество, находчивость и умение воевать. Не прав оказался историк в том, что нанайцы «вымрут, не оставив о себе никакой памяти». Не вымирает нанайский народ, а возрождается, численность его растет, развивается культура. И заметен след нанайцев и в литературе, и в искусстве, и в науке, и в военных делах. Все дело в тех условиях, которые создала для возрождения любого народа Советская власть, великая ленинская партия.

Борис ДУЛИН

Большой поэт малого народа

И не будет меча,
а песня моя будет жить.

А. Самар

Много замечательных строителей новой жизни дали нанай. Один из них — Аким Дмитриевич Самар. В историю советской литературы он вошел как начина-

тель нанайской поэзии, выразитель дум и чаяний своих соотечественников.

Аким Самар родился в нанайском стойбище Кондон на берегу реки Горин — одного из притоков Амура. Семья Самаров была большая, жизнь — трудной и бедной, и Аким пришлось уже с семи лет помогать отцу в охоте и рыбной ловле. Только в 1929 году Аким смог пойти учиться в первый класс Нижне-Халбинской школы. Здесь он вступил в первый нанайский отряд юных пионеров. Однако школу Аким Самар посещал только одну зиму и покинул ее из-за болезни отца и необходимости помогать семье.

1932 год для будущего поэта был во многих отношениях замечательным. В этом году его приняли в ряды Ленинского комсомола. Когда на Амуре молодежь начала строить город юности Комсомольск, Аким приехал сюда. Ему посчастливилось быть свидетелем закладки первых зданий нового города. В 1932 году осуществилась наконец мечта Акима о продолжении прерванной учебы. Комсомольская организация направила его на курсы политпросветработников. Позже он заканчивает педагогические курсы и затем три года (1933—1936) работает учителем в нанайском селении Найхин и много делает для ликвидации неграмотности среди взрослого населения.

В эти годы у Акима Самара пробудился интерес к родному фольклору. Со слов старых нанайцев он записывает сказки, песни, предания и делает первые свои литературные опыты. Молодой учитель редактирует школьный литературный журнал и сам пишет маленькие рассказы, стихи и песни.

В первой половине тридцатых годов в национальных районах Севера и Дальнего Востока, в том числе и в Нанайском районе, шел бурный процесс социалистиче-

ского строительства. Создавались рыболовецкие колхозы, строились учреждения культуры и просвещения — школы, клубы, избы-читальни, в стойбища нанайцев пришло электричество и радио.

В это время еще более острой стала проблема подготовки кадров национальной интеллигенции, способной решать задачи строительства новой социалистической культуры. Многие юноши и девушки были направлены на учебу в Хабаровск, Владивосток, Николаевск-на-Амуре, а также в Ленинград, ставший кузницей кадров национальной интеллигенции малых народов.

В 1936 году уехал учиться в Ленинград и Аким Самар. Там он был принят на педагогическое отделение Института народов Севера. С большим усердием и завидной настойчивостью он овладевает новыми для него науками, с увлечением изучает русскую литературу, переводит на нанайский язык пушкинский «Памятник». В то же время он пишет стихи, работает в комиссии по созданию письменности народов Севера, в частности нанайских школ. Кроме того, Аким Самар переводит на нанайский язык статьи, доклад М. И. Калинина о проекте Конституции и текст Конституции, принятой в 1936 году.

В годы учебы в Институте народов Севера А. Самар продолжает поэтические занятия. Этому помогло чуткое, внимательное отношение к нему русских советских поэтов, их дружеская братская помощь. Повышается мастерство поэта, его стихи охотно печатают ленинградские литературно-художественные журналы «Резец», «Звезда», «Литературный современник» и альманахи «Молодость», «Ленин жив», «Север поет». В 1938 году в Ленинграде на нанайском и русском языках выходит первый сборник произведений Акима Самара «Песни нанайца». Через два года Ленинградское отде-

ление Учпедгиза выпускает второй сборник поэта — «Стихи», также на нанайском и русском языках.

Аким Самар стал первым певцом нанайского народа. Он первый из писателей и поэтов Севера был принят в члены Союза советских писателей.

В начале 1941 года Аким Самар окончил Институт народов Севера и возвратился в родное Приамурье. Он был полон творческих планов и замыслов, большинству которых уже не суждено было осуществиться — началась Великая Отечественная война. Самар не мог сидеть и ждать призыва в Красную Армию. Он просит отправить его на фронт, чтобы уничтожить фашистов. Поэт был послан на один из важнейших фронтов войны, под Сталинград. Самар сражался с фашистами храбро и самоотверженно, веря в окончательную победу над коварным врагом. С этой верой в разгром фашистов он и погиб смертью героя в Сталинграде в 1942 году.

Аким Дмитриевич Самар прожил только двадцать шесть лет, но в истории литературы малых народов Севера и Дальнего Востока оставил заметный след. Он известен не только как поэт, но и как прозаик и переводчик.

Аким Самар формировался и рос под влиянием двух главных сил: родного нанайского фольклора, прекрасным знатоком которого он был, и под влиянием русской классической литературы.

Октябрьскую революцию поэт расценивает, как событие, положившее конец прежней безрадостной жизни нанайцев. Показывая то новое, что принесла народам Октябрьская революция, поэт прибегает к сопоставлениям, к контрастному изображению, что усиливает эмоциональное воздействие на читателя, дает возможность сильнее почувствовать перемены, которые

произошли в жизни напайцев за годы Советской власти.

В стихотворении «Красный Октябрь» поэт пишет:

*Это Красный Октябрь нас поднял,
Нас, таежных людей. Это он
Силы дал нам и грамоту дал:
Дал хороший и мудрый закон¹.*

Говоря об Октябрьской революции, Самар с большой любовью пишет о В. И. Ленине — ее организаторе и вдохновителе, вожде всех трудящихся. Образ Ленина занимает в поэзии Самара важное место: о нем поэт пишет во многих стихотворениях, ему посвящены отдельные произведения («Ленин», «Ильич не умер»). Ленин отдал жизнь борьбе за счастье трудящихся, он жил и всегда будет жить в сознании и сердцах простых людей.

*Я бы жизнь и сердце, не жалея,
За тебя, любимый вождь, отдал,
Только б вышел ты из Мавзолея,
Только б ты живым сегодня стал.
Только б сердцем бывшимся согреться,
Ты увидел бы, как наш народ
Выполняет все твои заветы,
Как призыв твой солнечный живет².*

Со стихами об Октябрьской революции и В. И. Ленине связаны идейно и тематически стихи поэта, посвященные Коммунистической партии, произведения, в которых Самар воспекает величие дел партии, ее мудрую национальную политику. Многие его стихи испол-

¹ Аким Самар. Красный Октябрь. Хабаровское книжное издательство, 1957, стр. 7. Перевод Н. Наволочкина.

² Аким Самар. Красный Октябрь. Хабаровское книжное издательство, 1957, стр. 9. Перевод Б. Копалыгина.

нены гордости за наше социалистическое Отечество, он слагает их в честь Красной Армии, пограничников, летчиков, героев труда.

Воспевать Родину — это значит для поэта и воспевать свой родной край, Приамурье, красоту его природы, те большие перемены, которые произошли здесь за годы Советской власти. Из стихотворений на эту тему наиболее характерными являются «Мой край», «Весенний Амур», «Селение Кондон», «Озеро Эворон», «Город юности».

Прощанию с любимым озером посвящены стихи «Озеро Эворон». Поэт тонко чувствует природу, обнаруживает удивительную наблюдательность, умеет запечатлеть такие подробности и детали, которые делают картину зримой, авторская взволнованность передается и читателю.

*Я любил приходить к себе поутру рано,
И с камней, где еще не обсохла роса,
Я смотрел, как плывут над водою туманы,
Как мелькают в воде паруса.
На твоём берегу
В тихий вечер сидел
В твои чистые, синие волны влюбленный,
На леса,
На прибрежные горы глядел,
На покрытые снегом
Вершины и склоны.*

И в самом конце обращение к озеру, как к живому существу:

*Эворон, мой любимый,
Нам надо проститься!
Прощай, светловодый
Меня не забудь!
Прощай!*

*В Ленинград я поведу учиться,
Мне открылся большой и широкий путь¹.*

Аким Самар — поэт-лирик. О чем бы он ни писал, все это проходит через его сердце, общее становится для поэта и личным, это общее и личное невозможно разделить. В поэтическом наследии Самара много стихов о любви, дружбе, радостях жизни, стихов веселых и грустных, написанных тепло и проникновенно, интересных еще и потому, что в них видна внутренняя жизнь самобытного нанайского народа, его душа, большая и чистая. К таким стихотворениям относятся: «Мое сердце тебя любить не устанет», «Одно слово», «Чтобы помнила ты...», «Ночью», «Каким образом мне с ней встретиться?», «Песня девушки», «Расписная оморочка», «Галлокан, мой дружок», «Незнакомые женщины».

Для этого цикла характерно стихотворение «Одно слово», привлекающее глубиной самораскрытия лирического героя, искренностью и задушевностью.

*Почему ты молчишь, дорогая?
Руку на руку мне положи!
Сердцем сердце мое понимая,
Лишь одно только слово скажи!
Если грусть на глаза набежала, —
Быстро катится наземь слеза,
Если искра на хворост упала, —
Полыхают большие леса.
Это слово назвать я не смею
И не знаю, в чем сила его.
Только кровь от него горячее,
Только сердце смелей от него.
Это слово — на счастье дается,
Это слово — родилось давно,
Но во всех наших песнях поется,*

¹ Аким Самар. Красный Октябрь. Хабаровское книжное издательство, 1957, стр. 17—19. Перевод Л. Поповой.

*И всегда молодое оно,
Чтобы стало мне радостно снова,
Чтобы сердце не смело тужить,
Дорогая, одно только слово,
Лишь одно только слово скажи!¹*

Поэзия Самара пронизана светом, она отличается бодростью, жизнеутверждающим пафосом, в ней прославляется победа света над тьмой.

В стихотворении «Туча» поэт обращается к туче и спрашивает ее:

*Ты зачем же, туча,
Солнце затемняешь?
Ты зачем же, туча,
Месяц закрываешь?
Думаешь, без солнышка
Хватит нам тепла?
Думаешь, без месяца
Будет ночь светла?*

А затем и просьба, и требование, и уверенность в торжестве света, солнца, тепла:

*Туча, солнца ты не трогай —
Проходи своей дорогой:
Солнце не затмишь!
Что ни думай,
Что ни делай, —
Месяц ясный,
Месяц белый
Будет нам светить!²*

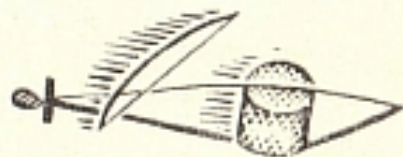
Интересны также песни и сказки нанайцев, записанные и литературно обработанные Акимом Самаром.

¹ Аким Самар. Красный Октябрь. Хабаровское книжное издательство, 1957, стр. 32. Перевод Л. Поповой.

² Там же, стр. 30. Перевод А. Чивилихина.

В качестве примера произведений такого рода можно назвать сказки «Два старика» и «Лиса и медведь». В первой из них рассказывается о богатом и бедном. Все симпатии автора на стороне бедняка. Это умный, сообразительный, настойчивый, трудолюбивый, а потому и удачливый человек, ему посчастливилось убить много зверя. Богатый же старик не умеет сам ничего делать, он способен только слепо повторять действия бедняка, добычи у него нет, и он замерзает.

Стихи и песни Самара еще при его жизни приобрели широкую известность на его родине. Они помогали и помогают нанайцам строить новую жизнь. На родине поэта хорошо помнят Акима Самара, знают его поэзию.

Вера ПОБОЙНАЯ

Полокто — человек удачливый

Сколько ему лет, Полокто Киле точно не знает. По паспорту — 77, хотя с паспортами в свое время приключилась забавная история.

В тридцатых годах, когда стали переписывать нанайцев и выдавать им паспорта, Полокто, как и большинство нанайцев, оказался в неведении относительно

протокола 1-го съезда инородцев Нижне-Тамбовской волости Хабаровского уезда, состоявшегося 21 мая 1921 года... «Обсудив всесторонне вопрос об изменении обычаев, нашли, что существующий обычай женитьбы двухлетних с малолетними или девочек 5—6 лет с мужчинами 25—50 лет, купли и продажи невесты — изжить, считать такой брак безнравственным и вредным для потомства. Старый обычай выселять роженца в зимнее время в холодную палатку отменить и строго придерживаться при родах правил современной медицины. В отношении погребения покойников... окончательно воспретить вывешивать на деревья трупы младенцев».

Как же далеки эти документы 50-летней давности от документов сегодняшнего дня, которые я видел на столе у председателя сельсовета — от генерального плана застройки Кондона, от протоколов сессий о подготовке к смотру самодеятельности искусства, о расширении детского сада и благоустройства села! Какие перемены произошли в жизни маленького дальневосточного народа, шагнувшего в наш век прямо из родового строя!

У Никифора Дмитрича много помощников, это, прежде всего, школьники. Они задумали написать историю комсомольской организации Кондона, собирают фотографии, письма, документы. Ребята уже разузнали о таких замечательных людях, как красный партизан Тимофей Самар и первый нанайец орденоносец Моисей Самар, который в 1938 году трое суток не отходил от телефонного аппарата, обеспечивая связь с Москвой экипажа приземлившегося невдалеке знаменитого самолета «Родина». Много материалов собрали они и о первом нанайском поэте, учителе Акиме Самаре, успевшем написать поэмы «Песни нанайца» и «Герои Хасана», имя которого носит школа, и об Алексее Самаре...

Тут я должен рассказать еще о нескольких охотни-

ках. Их нет. Но о них часто вспоминают и рассказывают, как будто они просто ушли за синие хребты на легких как сон оморочках. Серебристая иглаobelиска, воздвигнутого недавно в их память, стоит в самом центре села. 32 кондонца ушли на войну, а вернулись домой лишь шесть. Двадцать полегли у стен Сталинграда.

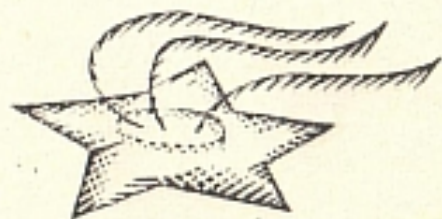
Когда Никифор Дмитрич рассказал об Алексее Самаре, я сначала подумал, что это легенда, но позже, связавшись по телефону с живущим в Волгограде бывшим командиром 422-й Дальневосточной дивизии И. К. Морозовым, услышал подтверждение...

В тяжелое для нас время была переброшена Дальневосточная под Сталинград. Немцы рвались к Волге, и мир еще не знал: кто кого. В первом же бою Алексей Самар, который любил приговаривать «зверя в нос бьем, шкура снимаем, шуба шьем», уничтожил 48 гитлеровцев, которые шли в атаку в полный рост; во втором бою — еще 50. Тогда командир дивизии вручил ему именную снайперскую винтовку с оптическим прицелом и предоставил право свободной охоты на врага. За двадцать суток Самар уничтожил еще сто девяносто фашистов, он «ослеплял» вражеские наблюдательные пункты, выводил из строя пулеметные расчеты и офицеров — каждый вечер в штаб поступали сводки о его добыче. Сержант Самар, провоевавший три месяца, был награжден медалью «За отвагу», орденами Красной Звезды и Красного Знамени, командование представило его к присвоению звания Героя Советского Союза (по неизвестной причине оно не состоялось). 299-м на его счету был немецкий майор, который вел наблюдение из башни замаскированного бронетранспортера. Но и фашисты давно охотились за Самаром. Батарея шестиствольных минометов накрыла рощу, где замаскировался снайпер. Свалился с тополя Самар с шестнадцатью оско-

лочными пробоннами в каске. Его похоронили на окраине Сталинграда, а потом прах нанайского охотника был перенесен в братскую могилу на площадь Павших Борцов, где горит Вечный Огонь.

Так защищали родные реки Самары, незаменные снайперы и разведчики. Так навеки породнилось Эворон-озеро с Волгой, таежная нанайская деревушка на сто дворов с большим русским городом. И теперь заезжают в Волгоград жены и сестры тех охотников, ищут письма школьники. Ребята радуются каждому новому сообщению о подвигах отважных земляков, с гордостью несут крупницы своей драгоценной добычи в руки старика, который видит свой гражданский долг в том, чтобы рассказать детям и внукам обо всем, что было на Земле.

На следующий день рано утром я несся по дороге, проложенной когда-то Никифором Дмитриевичем на так называемой «калужанке», выезжающей по оказиям. Мы летели сквозь мороз и ветер, сквозь глухую тайгу и релки, мимо белых озер и рек, голубых и далеких хребтов. Под грохот колес я думал о радости тропы и уважении к месту, о двух сторонах доброты и других простых, как вода горного ручья, истинах, которые поведал мне добрый человек с Эворон-озера.

Дмитрий КАРПОВ

Никифор Ходжер идет к Ленину

1

Вторые сутки бушевала метель. Ветер рвал провода, сплошным непроглядным шквалом гнал снег по Амуру, начисто оголяя песчаные косы, заметая дороги и прибрежные кусты чернотала. Жена Никифора Ойга вышла на кухню, прислушалась. Ветер с новой силой глухо ударил по стене, словно сухой вербой хлестнул по окнам, и на минуту в избе стало тихо. Ойга с тревогой спросила мужа:

ульчи, похож на пилу-молнию. Электростанция и школа, детские ясли и клуб, разные машины, тракторы, катера, моторные лодки — все есть в колхозе «Таймень»!

Москва стала совсем близко... Она пришла в его дом с хорошей музыкой, с правдивым и мудрым словом. Нужно только повернуть ручку на динамике — и вот она — далекая Москва, около самого твоего сердца.

И главное — нет сегодня родов Дятала, Чоруль, Лонки, Пильдунча, раньше постоянно враждовавших между собой. Есть один большой, дружный и как камень крепкий род советских людей. И он — Вадяка Дятала — один из членов этого сильного рода!

Вадяка Константинович подумал об этом с удовольствием и гордостью. Ему хотелось еще так вот хорошо подумать про все, послушать музыку, теплую, как вода в июле, ласковую, словно весенний ветер, принесший запах леса, но к нему подошла жена и, тронув за плечо, тихо сказала:

— Уже пора...

— Да, пора, — с готовностью ответил он.

Сейчас он выйдет на улицу и увидит, как просыпается его земля, как пробуждаются ото сна его река и тайга. И чуть только восход позолотит вершины сопки и деревьев, старый охотник, закинув за спину ружье и мешок с припасом, уйдет в тайгу снимать капканы: сезон — конец. Он вернется домой, когда над его домом небо рассыплет крупные белые звезды.

СОДЕРЖАНИЕ

Об этой книге	5
Богдан Ходжер. Как я партизанил	11
Вера Побойная. Щедрая осень	20
Григорий Ходжер. Коммунистка Ленинского призыва	37
Вера Побойная. Мамушка из Красной юрты	49
Арнольд Пушкарь. Ульмагды и капитаны	62
Валентин Ааворин. Первый нанайский ученый	71
Вера Савельева. Историк и этнограф	77
Григорий Ходжер. Чеби Ходжер — мой отец	84
Алексей Вальдю. Светлин Ваню — открыватель нового мира	96
Григорий Ходжер. Двое из двадцать пятого года	102
Владимир Бельды. Первый председатель	115
Федор Куликов. От Найхина до Берлина	128
Борис Дулин. Большой поэт малого народа	154
Вера Побойная. Полокто — человек удачливый	163
Арнольд Пушкарь. Добрый человек с Эворон-озера	173
Дмитрий Карпов. Никифор Ходжер идет к Ленину	187
Владимир Руссков. Вадяка Дятала — сын красного дерева	195